

К 90-летию поэта

Э.-Г. В. Александрович

Самым известным и маститым поэтом в Сарове был, несомненно, физик-экспериментатор Эдуард-Гелий Витальевич Александрович. Вместе с нашими поэтами Будимиром Припоровым, Галиной Бедновой, Павлом Вакуликом и другими он создал и возглавил литературное объединение «Радуга», а также первое городское литературное объединение «Искорка».

Он выступал в Доме ученых, Доме культуры, Дворце пионеров, в клубах «Авангард» и «Прогресс», в техникуме и СарФТИ, в музее и выставочном зале, пожарной части, типографии, ПТУ, общежитиях, на радио и телевидении. Всего таких выступлений было около пятисот. Издавались литературные сборники «Радуга» и другие. Его первая книжечка «Со звездами наравне», давно собранная, вышла в 1995 г.

Родился Э.-Г. Александрович 20 июля 1926 г. в Днепропетровске. По окончании техникума с 1946 г. работал старшим техником в ЦНИПС в Москве. Затем окончил МИФИ и работал сначала в Обнинске, а с 1959 г. – во ВНИИЭФ. Был инженером, старшим инженером, старшим научным сотрудником, на пенсию ушел в 1985 г.

Стихи он начал писать еще в школе. Всю жизнь сохранял молодость души, умение удивляться миру, жить наполненной до краев жизнью. Он был и физик, и лирик. Как он сам писал:

*Боюсь, что физик задушил поэта,
А тот его взаимно удавил...*

Он таким и остался в памяти саровчан – красивый человек с достойно прожитой жизнью.

Колокола

Колокола, колокола...
Они как будто обнимают
И все, что выжжено дотла,
Они из пепла поднимают.
И достают из-под земли
Давно на атомы разъятых
И затерявшихся вдали
Среди замысловатых «ятей».
Колокола, колокола...
Заливистые подголоски
Взлетают стаяй в купола
И наземь падают, как слезки.
А самый главный, именной,
Коллебя землю тяжким
встрясом,
Плывет многопудовым басом
Над потрясенною страной.
Колокола, колокола...
Они уводят за собою –
Пощупай пульса перебои.
Как смертный бой добра и зла,
Как зов судьбы, как рев прибора,
Как вечная борьба с собою –
Колокола, колокола...

Нет экспериментов
беспольных,
На вопрос они дают ответ.
Не смущайся, если нелюбезно
Чуткие приборы скажут
«нет».
Вопрошай. И можешь быть
уверен,
Что с тобой природа
не хитрит.
«Бог коварен, но не
злонамерен», –
Афоризм Эйнштейна говорит.
Это «нет», бывает, озадачит,
Приведет в унынье иногда,
Но оно порою больше значит,
Чем десятки, даже сотни «да».
Если в результате нет
сомнения,
Если ты уверен в нем, тогда
Это «нет» – привычным
представленьям,
«Да» – исканиям, движенью
выше – «да»!

Еще не все – в положенные
сроки
По старой книжке вы зубрить
урок:
Лишь тот в науку вписывает
строки,
Кто сам читать умеет
между строк.

Я выстрадал рентгеновскую
трубку,
Ее вынашивал я много лет.
Ведь это я родил ее, голубку,
И выпестовал, и отправил
в свет.
Серийный индекс получив
в итоге,
Она в промышленности
внедрена.
Я знаю, что она – одна из
многих,
Но там, где надо, – там она
одна.

Я знаю, про нее не сложат
песен:
Она – не синхрофазотрон,
не БАМ.
Ее создатель будет неизвестен,
И сам предмет неинтересен
вам.
И ни к чему скулить мне и
сердиться:
Тут, хоть умри и заново
родись –
Мавр, сделав дело, может
удалиться.
Иди, моя хорошая, трудись!

Открытиями в жизни и не
пахнет –
Наверное, не Ньютон я совсем,
И если яблоко меня шарахнет,
Я просто подберу его и съем.
Но вот причина моего
смятенья,
На что ответ услышать я б
хотел:

Бог с ним, с его законом
тяготенья, –
Съел Ньютон яблоко или не
съел?

Бывает, ночами не спится,
И думаю, глядя во тьму,
Что я – это микрочастица,
Невидимая никому.
И все-таки, разве не счастье –
Вселенную видя в окне,
Себя ощутить ее частью
Со звездами наравне.

Когда пишу, я Пушкин
и Державин
И Блок, и мне сам черт не
брат.
Когда пишу стихи, я всем им
равен.
Совсем иное дело – результат.

Пролился календарь
Шуршащим листопадом,
И вот уж где-то рядом
Еще один январь.

Чуть неуверен шаг –
Иду я из больницы.
Прищурены ресницы,
Слегка шумит в ушах.
Как сказочный янтарь,
Манит начало года.
Условная свобода –
Открытый календарь.
Опять чего-то жду,
Какой-то доли лучшей,
Какой-то яркий случай
В начавшемся году.
Опять пойду вершить
Судьбе своей в угоду
Привычную работу –
Обыкновенно жить.
И вот опять, как встарь,
На полочке досчатой
Висит едва початый
Трудыга-календарь.
Я выйду на заре,
Неяркой, молчаливой,
Свободный и счастливый,
Как муха в янтаре.

Ты пишешь и легко, и скоро.
Твои творенья трудно счесть.
От стиховедов нет укора:
Есть и размер, и рифма есть.
Но прежде, чем напишешь
много,
Запомнить должен навсегда,
Что легкость пушкинского
слога –
Итог тяжелого труда.

А ну, прислушайтесь...
Довольно странно.
Но это, несомненно, соловей.
Он прилетел не по сезону
рано

С неповторимой песней своей.
А вот еще один. Какие трели!
А вот еще. Ну просто чудеса!
Как рано эти птахи
прилетели
В дремучие мордовские леса.
На вид они и серы, и

невзрачны,
Но ни к чему им яркая краса:
Они к тому природой
предназначены,

Чтоб слушали их пение леса.
И все они талантливы
чертовски,
Каденции такие выдают!
Но не по-русски и не
по-мордовски –
Они по-соловьиному поют.

Пью крымское вино на мысе
Казантип.
Внизу под скалами прибой
лопочет.
А солнцу бы давно пора
зайти б,
Но солнце медлит, заходить
не хочет.
Прощальный луч струится
над холмом
И преломляется в моем
стакане,
И вспыхивают радугой в нем
Наполненные светлой влагой
границы.
Мне хорошо. Я рад, что мне
дано

Жить, лакомиться свежей
ухой
И пить сухое крымское вино
На берегу, где все и так сухое,
Чтоб я не разучился понимать
Простые радости
существованья
И существом своим
воспринимать
Природы животворное дыханье.
Я поднимаю легкий совиный
За то, чтоб это все подольше
было,

И вспыхивает радугой он
За миг до угасания светила.

На девушек глаза еще косят,
Хотя и понимаю я отлично,
Что мне давно уже за
пятьдесят,
Да и за шестьдесят уже
прилично.
Но разве можно молодость
забыть,
Что мир особым светом
освещает,

Когда – ну невозможно не
 любить,
 И лишь один вопрос – кого?
 – смущает.
 Но это затрудненье разрешить
 Всегда успею – думаешь
 беспечно,
 И с этим делом можно не
 спешить,
 И будет так по крайней
 мере вечно.
 Не позабыты правила игры,
 Но гаснут свечи в зале
 опустелом...
 Не в том беда у старых,
 что стары,
 А в том, что не душой, а
 только телом.
 И потому, когда за
 шестьдесят,
 И принимают хвори до
 печенок,
 Глаза еще, случается, косят
 На непристойно молодых
 девчонок.

Знаю, не попутчица
 На моем пути.
 Только я соскучился
 Без тебя идти.

Я ищу дорожку,
 Чтоб свернуть с пути,
 Чтобы хоть немножко
 Рядышком пройти.
 Но к тебе ни тропки
 Нету как на грех.
 Между нами – сопки
 Да разливы рек.
 И бреду по кочкам,
 Огибая пни...
 Ты мне хоть платочком
 Издали махни.

Скажи, сосна, какому
 божеству
 Ты ежегодно ставишь эти
 свечи,
 Которые колеблет теплый
 ветер,
 И желтый дым возносит
 в синеву?
 О чем ты это божество
 молишь,
 Которому с таким усердьем
 служишь,
 Что окаймляешь желтизной
 все лужи
 В умеренных широтах всей
 земли?
 Ни слова не ответила сосна,
 Лишь повела ветвями
 молчливо,
 Как будто указала горделиво
 На поросль юную у ног своих
 она.
 Как не понять красноречивый
 жест:
 Живые существа любой
 породы
 Усердно служат продолженью
 рода –
 Могуущественнейшему из
 божеств.
 И потому земля так зелена,
 Так удивительно разнообразна,
 И потому пронзительно
 прекрасна
 Та жизнь, что нам единожды
 дана.

Сколько выпадет жить,
 бесполезно гадать:
 Сколько выпадет, столько
 и будет.
 Если данное жизнью стихами
 отдать –
 Кто-то вспомнит, а кто-то
 забудет.
 Не надеюсь на многое, знаю
 и сам,
 Что в стихах не такой уж
 я гений,
 Чтоб меня в расписаниях
 школьных программ
 Изучал целый ряд поколений.
 Но, быть может, какой-то
 ученый червяк
 Докопается в книжных
 завалах,
 Что стихами грешил
 неизвестный чужак
 Среди прочих великих
 и малых.
 И включит меня в толстый
 ученый трактат,
 Завираясь и путаясь в датах,
 И когда-нибудь, может быть,
 именно так
 Оживу я в немногих цитатах.

